

Когда появился настоящий Джеймс Райан, фильм уже прошел больше половины. Согласно выводу Кеннета Турана, согласно голливудским производственным правилам и привычкам Дюка Розенберга, дальше должна быть война, чтобы добиться окончательного искупления.

Но он ясно чувствовал, что Райан на самом деле не важен. Цель высказывания Дюка Розенберга была предельно ясна - неважно, кто был спасен, важно было само действие по спасению людей.

В то же время, как старший кинокритик и медиа-практик, Кеннет Туран прекрасно понимает, что этот фильм неизбежно вызовет волну дискуссий после его выхода, даже если он так соответствует американским ценностям!

Дюк Розенберг, кажется, никогда не игнорирует рынок? В уголках рта Кеннета Турана мелькнула беспомощная улыбка. Противоречия и тенденции часто могут убить или взорвать фильм. А как насчет «Спаси рядового Райана»?

Многие из зрителей, пришедших на премьеру, пришли за режиссером, и знали о привычках Дюка. Поскольку битва в начале была настолько прекрасной и жестокой, что заставляла людей трепетать, то кульминация в конце принесет удовлетворение. Какие впечатления от просмотра?

«Еще есть минутка спокойствия перед войной».

Услышав слова Ирен, Анна рассмеялась и прошептала ей на ухо: «Режиссер Розенберг использует хорошие воспоминания, чтобы показать величие человечества».

В глазах Анны, раскрытие эмоционального мира людей через судьбу на поле боя - самый важный прогресс и успех Дюка в этом фильме. Чтобы выразить несовершенство человеческой природы и страх перед войной, он намеренно устроил в фильме о Второй мировой войне момент спокойствия, в котором можно испытать блеск человеческой природы и разрушение человеческой природы войной.

В этом абзаце снова появляется средний план дрожащих рук и верхней части тела капитана Миллера. Анна видит страх и безнадежность старшего командира отряда по поводу своей судьбы перед большой битвой. Когда он садится, чтобы поговорить с Райаном о его семье, он говорит Райану, чтобы он вспомнил о конкретных вещах связанных с семьей, а не их голоса и взгляды.

Дюк умело использовал здесь серию планов спереди и сзади, которые в основном представляют собой крупные планы лиц двоих. То, что Анна увидела по их выражениям, было беспомощностью и горечью. Молодой режиссер, казалось, хотел устами Райана передать всем хорошую жизнь тысяч простых американских солдат до войны, но война забрала все это.

В этот миг спокойствия, не было ни ссор, ни сомнений, и хотя они не знали, какова будет их судьба, в конце концов, все они встретили ожесточенный бой с противником, со своими товарищами и теплыми воспоминаниями о прошлом.

Режиссер совместил этот момент спокойствия перед ожесточенной битвой, которая неизбежно развернется позже, и намерение совершенно очевидное, просто подчеркнуть ценность этой спокойной жизни и жестокость войны. Демонстрация утверждения ценности жизни.

По сравнению с Анной, у Кеннета Турана, с другой стороны, было другое чувство. По его мнению, режиссеры с настоящим чувством справедливости и ответственности будут не только

одержимы кровью и азартом войны, но и должны больше внимания уделять человеческим чувствам, человечности, драгоценному душевному состоянию, проявляемому людьми на войне, чтобы люди осознали отвращение к войне и ценность мира, чтобы каждый зритель мог дорожить миром всем сердцем. Держитесь подальше от войны.

Дюк Розенберг наконец обуздал свое внутреннее стремление к разрушению и использовал разрушение войны, чтобы выразить чрезвычайно глубокую тему. Он хотел углубления этой темы. В то же время пусть зрители помнят об этом и воспоминания становятся силой, которая движет сердцами людей.

Что нужно дальше? Это жертва, нет более подходящего пути, чем жертва! Не задумываясь, Кеннет Туран тоже может догадаться, что большинство членов команды неизбежно ляжет на этот плацдарм для войны. У всех хорошая жизнь, и каждому есть о чем оплакивать и смиряться, когда в него попадает пуля. Может быть, в Америке это семейные воспоминания, а где-то еще что-то. Короче говоря, это то, что стоит лелеять и ностальгировать.

И роль войны здесь просто в том, чтобы уничтожить все, что можно разрушить, а у бойцов — отобрать то, что можно.

Желая спасти Райана, олицетворяющего добро, жертва неизбежна, и члены отряда погибают один за другим, пока капитан Миллер...

После выстрела капитан Миллер сел на мостик и применил слабый маленький пистолет против танка Тигр. Раздался выстрел, прилетел наконец-то спасательный самолет Р-51 и взорвал танк. Надежда не была разбита. Команда пожертвовала шестью людьми, чтобы спасти красавца. Ведь они могут смело жить своими воспоминаниями и пожеланиями.

«Не подведи всех, — сказал Миллер перед смертью, — Райан, живи хорошо...»

В театре раздались рыдания. Хотя голос одного человека не был громким, рыдающих было слишком много.

Ирен зажала свой воспаленный нос: «Я знаю, что это сенсационно, почему мне все еще хочется плакать?»

«Потому что режиссер использовал весь фильм, чтобы предвещать жертву и сенсационность в этот момент». Анна должна успокоить подругу.

Да, капитан Миллер - герой, типичный гражданский американский герой, чья жертва наиболее вызывает сопереживания.

Кунитес легонько вытер глаза тыльной стороной ладони, Алан и Джонс рядом с ним проделывали аналогичные действия, а Оуэн с другой стороны блеснул влагой в глазах, и наконец, слеза медленно стекла вниз, он как будто все еще был погружен в фильм, не замечая ничего, смысла вытирать их нет вообще.

«Дорогая миссис Райан, с большим удовольствием сообщаю вам, что ваш сын Джеймс Райан невредим и возвращается домой с европейской битвы. С передовой сообщают, что Джеймс героически и стойко выполнял свои обязанности, даже хотя он узнал, что его семья постигла несчастье в этой великой войне, свергнувшей диктатуру и угнетение. Я счастлив присоединиться к военному министру, всем офицерам и солдатам вооруженных сил США и американским гражданам, желающим вам крепкого здоровья и счастливой жизни с Джеймсом рядом с вами, только благополучное возвращение вашего любимого сына может

компенсировать душевную боль...»

Капитан Миллер умер, и голос адмирала Маршалла звучал рядом с ним. Это было поздравительное письмо, которое правительство США зачитало матери Райана. Воронки, сломанные мостовые настилы и трупы, выражения всех действующих лиц тихие и безмятежные, они живы, они слушают, слова военных, восхваляющих Райана, так прекрасны, это же язык восхваления всех солдат. Все они живые включают Урбана, и хотя на самом деле они мертвые, память о них жива.

«Как только война и жизнь оказываются на противоположных сторонах одной и той же шкалы, слово «разрушение» обречено нести тяжелый вес».

Кеннет Туран слышал, как Тодд Маккарти обсуждал фильм: «Это действительно настоящая война. Фильм никогда не уклоняется от раны, которые люди оставили себе, и за туманом войны он также отражает яркий свет человеческой природы».

Тодд Маккарти повернулся к Кеннету Турану: «Фильм замечательный. Я могу хвалить его и буду только хвалить после просмотра!»

Увидев беспомощную улыбку своего старого друга, Тодд Маккарти повернул голову и больше ничего не сказал. Сейчас нужно быть осторожным с оскорблениями Дюка Розенберга!

Если вы критикуете тему фильма, вы только создаете себе проблемы, а критика других аспектов безболезненна для Дюка. Тодд Маккарти вдруг почувствовал, что ему нечего говорить. Подумав несколько секунд, он придумал лучший ответ. Выход для него - игнорировать новый фильм Дюка Розенберга и делать вид, что его никогда не существовало.

Стоит ли спасать?

Похоже, режиссер дал не очень внятный ответ. Когда картина вернулась к старому Джеймсу Райану, у него наконец появилось объяснение.

Райан был спасен и вернулся в родной город. Он прожил благополучную жизнь. Он пришел к могиле своего боевого товарища, чтобы вспомнить его на старости лет. Он со слезами спросил у жены, достоин ли он жизни? Его жена держала его лицо и подтверждала, что это так, и на старом лице появилось небольшое облегчение.

«Я хорошо живу, хороший ли я человек?».

Фильм тут же дал ответ, и жена ответила: "Ты хороший человек!"

Он отдал военный салют могиле полковника Миллера белея своими сединами. Вновь появились развевающиеся звезды и полосы, и фильм закончился... Субтитры потихоньку падали, в зале было тихо, и Тина Фей, сидевшая рядом с Дюком, не могла не оглянуться. Судя по аплодисментам в зала во время просмотра фильма, разве сейчас не должно быть такое же отношение? Зрителям не понравился фильм?

Ее взгляд снова упал на лицо ее нанимателя. Дюк выглядел спокойным и сидел ровно. Темные глаза, казалось, были полны уверенности?

Судя по ее мнению, это определенно был бы хороший фильм, а то и классика военного кино. Молодой режиссер рядом с ней почти идеально сочетал визуальные эффекты, в которых он лучше всех разбирался, с идеологическим подтекстом, которого у него раньше не было.

Несмотря на большое количество сенсационных сцен, все равно сюжет кажется естественным и ровным, не будучи искусственным.

Зал молчал секунд пять, а потом аплодисменты грянули как гром среди ясного неба. Рядовая публика в последнем ряду вся встала!

Они встали, не потому что собирались уходить отдыхать! Нет, так они выказали поздравление и уважение режиссеру и фильму! Выпустив бурные эмоции из своих сердец из-за фильма!

«Он всегда преуспевает!»

Том Хэнкс встал и взял на себя инициативу подойти, не дожидаясь, пока Дюк протянет руку, он крепко обнял: «Дюк, для меня большая честь за это сотрудничество! И классический фильм!»

Все больше и больше людей приходили и присылали свои поздравления!

Аплодисменты были бурными, и не было никакой тенденции к остановке, зрители стояли и аплодировали, казалось, только так они могли выразить свою любовь к этому фильму и молодому режиссеру!

Премьера закончилась, удачен стиль фильма или нет, покажет рынок!

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/67850/1807922>